

ХОРАС МАККОЙ

*ЗАГНАННЫХ ЛОШАДЕЙ
ПРИСТРЕЛИВАЮТ, НЕ ПРАВДА ЛИ?*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М15

Серия «Эксклюзивная классика»

Horace McCoy
SHOOT HORSES, DON'T THEY?
KISS TOMORROW GOODBYE

Перевод с английского *О. Кубатько*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Маккой, Хорас.

М15 Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? : [сборник] / Хорас Маккой ; [перевод с английского О. Кубатько]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119246-4

Америка в тяжелые годы Великой депрессии.

Люди согласны братья за любое дело, чтобы заработать на кусок хлеба и крышу над головой. Поэтому неудивительно, что танцевальный марафон с призовым фондом в 1500 долларов собирает множество участников со всей страны, готовых на все ради победы. Для каждого из них этот конкурс — надежда покончить с голодом и нищетой, шанс вырваться в светлое будущее. Вот только что это на самом деле — необычное шоу или кровавая бойня за место под солнцем?

«Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» — главный роман Маккоя, положенный в основу легендарного фильма Сидни Поллака с Джейн Фонда в главной роли.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Horace McCoy, 1935, 1948
© Перевод. О. Кубатько, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-119246-4

*ЗАГНАННЫХ ЛОШАДЕЙ
ПРИСТРЕЛИВАЮТ, НЕ ПРАВДА ЛИ?*

ОБВИНЯЕМЫЙ, ВСТАНЬТЕ!

1

Я встал. На миг я снова увидел Глорию, как она сидит на скамеечке на набережной. Пуля только что пробила ей висок, еще даже не потекла кровь. Казалось, вспышка от выстрела, осветившая лицо Глории, еще не погасла. Все представлялось таким простым и таким ясным. Глория была совершенно расслаблена и спокойна. Удар пули чуть отвернул от меня ее голову, но по губам я видел, что она улыбается. Прокурор ошибался, когда говорил присяжным, что она умерла в агонии, оставшись темной ночью на берегу Тихого океана совсем одна, без друзей, наедине с безжалостным убийцей. Он во всем ошибался. Она совсем не мучилась. Была умиротворена и спокойна. И улыбалась. Тогда я впервые увидел, как она улыбается. Так как же она могла быть в агонии?

И без друзей она тоже не была. Ее лучшим другом был я. Ее единственным другом. Так как же она могла умереть в одиночестве?

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ КАКИЕ-ЛИБО
ЮРИДИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ
ВЫНЕСЕНИЮ ПРИГОВОРА?

2

Что я на это мог сказать? Все знали, что Глорию убил я; единственного человека, который мог мне хоть чем-то помочь, не было в живых. Я просто стоял, смотрел на судью и качал головой. Мне нечем было защищаться.

— Просите суд о снисхождении, — твердил назначенный моим защитником адвокат Эпштейн.

— Что вы сказали? — спросил судья.

— Ваша честь, — громко произнес Эпштейн, — мы отдаем себя на милость суда. Этот молодой человек признает, что убил ту девушку, но тем самым он лишь оказал ей услугу...

Судья ударил по столу, глядя на меня.

ЕСЛИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ЮРИДИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ВЫНЕСЕНИЮ ПРИГОВОРА...

3

С Глорией мы познакомились при довольно забавных обстоятельствах. Она тоже пыталась попасть в кино, но это я узнал позже. Возвращался я однажды со студии «Парамаунт» по Мелроуз-стрит и слышу, кто-то кричит:

— Эй! Эй!

Я обернулся и увидел, как она бежит ко мне и машет рукой. Я остановился и помахал ей в ответ. Когда, задыхаясь, вся в поту, она добежала до меня, я вдруг понял, что совсем ее не знаю.

— Проклятый автобус, — простонала она.

Я огляделся и кварталом дальше увидел автобус, удаляющийся в сторону студий компании «Вестерн Юнион».

— Ах вот оно что! — воскликнул я. — А я думал, вы машете мне...

— С какой стати мне вам махать? — фыркнула она.

Я рассмеялся:

— Не знаю. Нам по пути?

— Пожалуй, до «Вестерн» я спокойно могу дойти и пешком, — заявила она, и мы двинулись к павильонам киностудии.

Так все это началось, эта история кажется мне очень странной и сегодня. Я вообще ничего не понимаю. Много раз думал о случившемся, но все равно не понимаю. Ведь убийства-то не было. Один человек пытался оказать другому услугу, и вдруг выясняется, что его за это убьют.

Они собираются меня убить. Я точно знаю, каков будет приговор судьи. Стоит взглянуть на него, и становится ясно, что произнесет он его с радостью, и к тому же, я уверен, люди в зале тоже будут рады его услышать.

Возьмем день нашего с Глорией знакомства. Чувствовал я себя в тот день неважно: все еще был немного простужен, но все равно заглянул в «Парамаунт», потому что Штернберг снимал там какой-то фильм о России, и я подумал, вдруг и мне на студии перепадет какая-нибудь работенка. Я всегда говорил себе: «Что может быть лучше, чем работать на Штернберга, Мамуляна или Болеславского?.. Ты получаешь зарплату за то, что наблюдаешь за их работой над фильмом, и вдобавок кое-что узнаешь о композиции, о верном темпе, об углах съемки...» Ну, в общем, я и заглянул в «Парамаунт».

Внутри я не попал и потому простоял у ворот до обеда, пока не появился один из ассистентов Штернберга, вышедший перекусить. Я увязался за ним и спросил, есть ли хоть какой-то шанс попасть в массовку.

— Никакого, — сказал он и ударился в объяснения, что фон Штернберг статистов в свои фильмы отбирает очень тщательно и неизвестно кого не берет.

Я подумал, что заявить такое человеку может только хам, но знал, в чем крылась причина такого ответа: мой костюм едва ли мог служить мне хорошей рекламой.

— Разве это не костюмный фильм? — спросил я.

— Всех статистов нам подобрало агентство, — заявил он и поспешил от меня отделаться.

Больше я никуда уже не собирался, просто катался в своем «роллс-ройсе», а люди показывали на меня пальцем и говорили, что я величайший режиссер на свете... и вдруг услышал крик Глории... Ну, теперь вам, должно быть, ясно, как завязываются подобные знакомства? И вот мы шагали по Мелроуз-стрит в сторону «Вестерн Юнион» и оживленно болтали; когда мы подошли к студии, я уже знал, что зовут ее Глория Битти, и что она статистка, и что ей ну никак не везет; и ей тоже кое-что стало известно обо мне. Очень она мне понравилась.

Вместе с подругами она снимала маленькую квартиру неподалеку от Беверли, я же обитал всего в нескольких кварталах от их дома, так что снова мы с Глорией встретились в тот же вечер. Собственно, во всем виноват именно этот первый вечер, но и сегодня я не возьму грех на душу, не скажу, что сожалею о нашей встрече. У меня было всего семь долларов, я их заработал, отпуская содовую в магазине (подменял одного приятеля, подруга которого залетела, и ему пришлось везти ее в Санта-Барбару на аборт), и потому я спросил Глорию, что она предпочтет: пойти в кино или посидеть в парке.

— В каком парке? — поинтересовалась она.

— Ну, есть тут один неплохой.

— Ладно, — согласилась она, — все равно фильмами я уже сыта по горло. Провалиться мне на этом месте, если я не лучшая актриса, чем большинство девиц, что в них играют. Пойдем посидим, на людей поглядим...

Я был рад, что она выбрала парк. Там всегда было здорово и спокойно. Дивное место для отдыха. Парк был невелик, примерно с квартал, но зато благодаря густой и обильной растительности — повсюду росли пальмы ярдов по двадцать высотой, с растрепанными хохолками наверху — в нем было много тени. Очутившись в этом парке, любой человек чувствовал себя в безопасности. В своих фантазиях я часто представлял себе, что пальмы — это солдаты в шлемах с перьями, моя личная стража, охраняющая мой собственный остров...

Парк был просто создан для отдыха. Сквозь пальмы виднелись ряды зданий, громоздкие силуэты домов с красной светящейся рекламой на крышах, багровое зарево от которой заливало все небо. Но если вам хотелось забыть обо всем этом, стоило только попристальнее взглянуть в окружающую вас зелень, и тотчас же привычные суета и шум города начинали отступать.

— Я раньше не замечала этого парка, — протянула Глория.

— А мне тут нравится. — Я снял пиджак и расстелил его на газоне, чтобы она могла сесть. — Я хожу сюда несколько раз в неделю.

— Тогда тебе здесь действительно нравится, — согласилась она и опустилась на землю.

— Давно ты в Голливуде? — спросил я.

— Около года. Я уже снялась в четырех фильмах. Могло быть и больше, но агентство не хочет ставить меня на учет.

— Меня тоже, — кивнул я.

Если в агентстве по подбору актеров вас не ставят на учет, шансов сниматься у вас практически нет. Обычно с больших студий звонят в агентство и говорят, что нужны шесть шведов, или четыре грека, или два типичных чешских крестьянина, или шесть княгинь, а уж агентство по своей картотеке подбирает подходящих актеров. Мне было совершенно ясно, почему Глорию не ставили на учет. Слишком светлые волосы, слишком мала ростом и старовато выглядит. В нарядном платье она могла бы смотреться эффектно, но и тогда никто не назвал бы ее красавицей.

— Удалось тебе познакомиться с кем-нибудь, кто может помочь? — спросил я.

— Как в этой публике угадать, кто может помочь, а кто нет? Сегодня он электрик, а завтра продюсер. Единственная возможность поймать крупную рыбу — это прыгнуть на капот его или ее автомобиля, когда он будет проезжать мимо. И откуда мне знать, кто из звезд, из всех этих дам или господ, действительно захочет помочь мне? В последнее время, судя по тому, что я здесь вижу, мне все больше кажется, что я занималась не тем делом...

— А как ты вообще попала в Голливуд?

— Ну... сама не знаю... — задумалась она ненадолго. — Но это все равно лучше, чем жизнь, которую я вела дома.

Я спросил, откуда она.

— Из Техаса. Из Западного Техаса. Был там когда-нибудь?

— Нет, я из Арканзаса.

— Ну, в Западном Техасе просто кошмар, — вздохнула она. — Я жила у дяди с тетушкой. Дядя работал на железной дороге. Видела я его раз, максимум два в неделю. И слава богу.

Она запнулась, ничего больше не сказала и уставилась на багровое зарево, дрожавшее над домами.

— Но у тебя все же был дом, — заметил я.

— Это ты так считаешь. Мне казалось по-другому. Когда дядя приезжал домой, он вечно лез ко мне и хватал за что попало, а когда его не было, мы непрерывно цапались с теткой. Старая дура боялась, что о нас с ее муженьком будут сплетничать...

«Да, хороши родственнички!» — подумал я.

— Ну вот, и я в конце концов сбежала в Даллас, — продолжила она. — Был там когда-нибудь?

— В Техасе в жизни не был.

— И ничего не потерял, — кивнула она. — Я не могла найти работу, и тогда мне пришло в голову спереть что-нибудь в магазине, пусть полиция обо мне позаботится.

— Недурная идея, — признал я.

— Роскошная, — подхватила она мои слова. — Только ничего не вышло. Меня арестовали, факт, но детективы пожалели меня и отпустили. Чтобы не подохнуть с голоду, я стала жить с одним сирийцем, торговавшим сосисками на углу за мэрией. А он поддавал. И к тому же жевал табак... Был ты когда-нибудь в постели с типом, который поддает?

— Думаю, нет, — хмыкнул я.

— Впрочем, я бы и это пережила, — продолжила она. — Но когда он заявил, что отблагодарить его я смогу тем, что он будет трахать меня на кухонном столе, я не выдержала. И через пару дней приняла яд.

«Господи боже!» — воскликнул я в душе.

— Но приняла слишком мало, мне только плохо стало. Бр-р, до сих пор чувствую эти боли в желудке. Неделью меня продержали в больнице. Ну а там мне пришлось в голову отправиться в Голливуд.

— Почему именно в больнице? — спросил я.

— А я там читала все эти журналы про кино. Когда меня выписали, вышла на дорогу голосовать попуткам. Ну разве не смешно?..

— Пожалуй, да, — попытался я усмехнуться. — У тебя нет родных?

— Уже нет. Отец погиб в войну во Франции. Я бы тоже хотела... погибнуть на войне.

— А почему бы тебе не наплевать на всех этих киношников? — спросил я.

— А зачем? Ведь тут я за ночь могу стать звездой. Возьми хотя бы Хепберн, Маргарет Салливен или Джо-зефину Хатчисон... Но я скажу, что бы я сделала, если бы у меня хватило духу: прыгнула бы из окна, или легла под трамвай, или еще что...

— Это чувство мне знакомо, — заметил я, — да, знакомо.

— Мне кажется странным, — продолжала она, — что так много возни с живыми и так мало — с умирающими. Почему все эти высоколобые ученые думают над тем, чтобы продлить жизнь, хотя надо бы найти средства, чтобы приятно с ней покончить. На свете наверняка полно людей вроде меня, которые хотят умереть, только духу не хватает...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — кивнул я, — прекрасно понимаю.

Потом мы оба помолчали.

— Одна приятельница уговаривала меня записаться на танцевальный марафон на пляже, — сказала она. — Еда и ночлег задаром, пока выдержишь, а если выиграешь, получишь тысячу долларов.

— Еда задаром — звучит заманчиво.

— И это еще не главное. На марафон ходит уйма продюсеров и режиссеров. Всегда есть шанс, что тебя заметят и возьмут на роль в каком-нибудь фильме... Что скажешь?

- Я? Куда там, я не умею танцевать...
- И не надо, достаточно просто двигаться.
- Лучше и пробовать не буду, — вздохнул я. — Я был серьезно болен. Подхватил желудочный грипп и чуть не умер. Настолько ослаб, что до туалета ползал на четвереньках. Нет, лучше уж я и пытаться не буду, — покачал я головой.
- Когда это было?
- Неделю назад.
- Тогда ты уже в порядке.
- Нет, не совсем... лучше не пробовать. Могут быть рецидивы...
- Я бы за тобой приглядела.
- Может быть, через неделю, — начал я.
- Через неделю будет поздно. Да у тебя и сейчас сил — дай бог всякому, — сказала она.

РУКОВОДСТВУЯСЬ ЗАКОНОМ, СУД РЕШИЛ...

4

Танцевальный марафон проходил в курзале на молу у пляжа, в огромном старом бараке, где когда-то был танцевальный зал. Барак стоял на сваях, и под ногами у нас днем и ночью шумел океан. Я чувствовал, как он дышит, чувствовал кончиками пальцев ног, словно через стетоскоп.

Внутри была паркетная площадка для танцующих, десять ярдов в ширину и почти шестьдесят в длину, вокруг нее с трех сторон — ложи с креслами, а за ними скамьи, как в цирке, для публики попроще. В конце площадки возвышался помост для оркестра. Играл оркестр только ночью, и хорошим его при всем желании назвать было нельзя. Днем приходилось доволь-

ствоваться той музыкой, что удавалось поймать по радио, — нам ее транслировали через репродукторы. Чаще всего — слишком громко, так что весь зал сотрясался от грохота. Были там распорядитель, в чьи обязанности входила забота о том, чтобы посетители чувствовали себя как дома; два арбитра, которые сновали между танцующими и наблюдали за порядком на площадке; два вышибалы, две медсестры и даже доктор на случай, если кому понадобится неотложная помощь. Правда, доктор тот не слишком походил на врача — был слишком молод.

Для участия в танцевальном марафоне записались сто сорок четыре пары, но шестьдесят одна отпала уже в первую неделю. По правилам танцевать полагалось час пятьдесят. Потом следовал десятиминутный перерыв на отдых, при желании в это время можно было вздремнуть. Только за те же десять минут надо было еще и побриться, или умыться, или сделать массаж ног — в общем, успеть все, что нужно.

Хуже всего была первая неделя. Ноги у всех опухли, а под нами без устали шумел прибой, разбиваясь о сваи. До танцевального марафона я всегда любил Тихий океан и все мне в нем нравилось: название, бескрайность, цвет и запах... Я мог часами сидеть, глядя на него, думать о кораблях, куда они уплывают и почему никогда не возвращаются, о Китае и южных морях, да о чем угодно... Но теперь с этим покончено. Я сыт Тихим океаном по горло. И мне наплевать, увижу я его еще когда-нибудь или нет.

Пожалуй, нет. Об этом позаботится судья.

Тертые ребята, имевшие в подобных делах немалый опыт, говорили нам с Глорией, что единственная возможность выстоять в таком марафоне — это иметь четкую систему использования десятиминутных перерывов: нужно научиться жевать бутерброд и одновременно

бриться, научиться есть по дороге в туалет или же когда тебе массируют ноги, научиться читать газеты танцуя, научиться спать на плече у партнера; но все это были профессиональные фокусы, требовавшие навыка. Для нас с Глорией они оказались слишком сложными.

Я выяснил, что почти половина участников — профессионалы. Жили они тем, что участвовали в танцевальных марафонах, проводимых по всей Америке, некоторые даже ездили на попутках из города в город. Остальные были обыкновенными парнями и девушками вроде меня и Глории.

Во время марафона мы подружились с парой номер тринадцать — с Джеймсом и Руби Бэйтс из какого-то городишки в Северной Пенсильвании. Это был их восьмой танцевальный марафон; в Оклахоме они продержались 1235 часов и выиграли приз в 1500 долларов. Еще несколько пар утверждали, что они выигрывали тут или там, но о Джеймсе и Руби я знал, что они выдержат до самого финиша. Разве что Руби раньше родит. Она была на пятом месяце.

— Что это с Глорией? — спросил меня как-то Джеймс, когда мы возвращались после короткого отдыха на площадку.

— Ничего. Что ты имеешь в виду? — спросил я. Но я-то знал, в чем дело. Глория опять взялась за свое.

— Она все время твердит Руби, что та дура, раз хочет оставить ребенка. Глория уговаривает ее сделать аборт.

— Не понимаю, как Глория может говорить такие вещи, — постарался я смягчить ситуацию.

— Знаешь, ты скажи ей, пусть оставит Руби в покое, — сказал Джеймс.

Когда раздалась сирена, дав нам старт в двести шестнадцатый раз, я передал Глории слова Джеймса.

— Наплюй, — фыркнула она. — Что он может об этом знать?